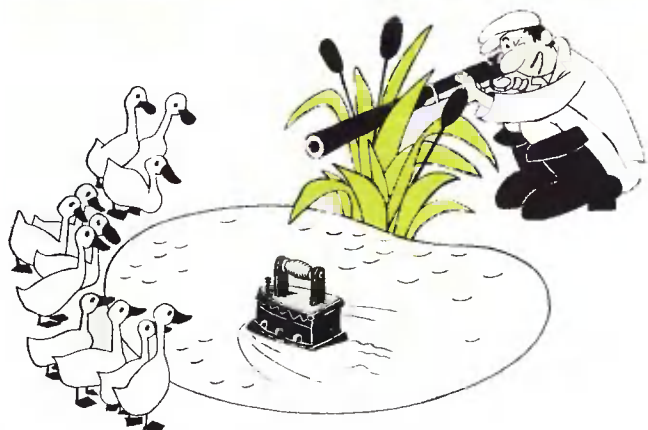

БИБЛИОТЕКА
КРОКОДИЛА

10
(639)

Евгений Матвеев

**ФЕДЯ
СО СВОИМ
УТЮГОМ**

Евгений Александрович Матвеев родился в 1936 году в Электростали.

После окончания Московского энергетического института работал инженером на заводе «Электросталь». Там же начал печататься в городской газете «Ленинское знамя».

С 1962 года — специальный корреспондент журнала «Крокодил».

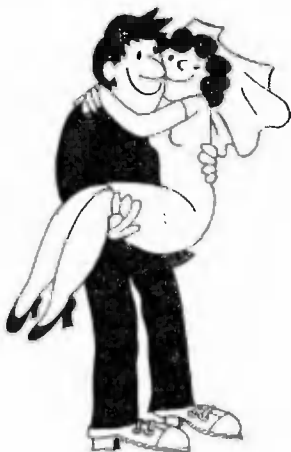
В «Библиотеке Крокодила» вышли два сборника фельетонов, рассказов и очерков Е. Матвеева: «Руку сжать кому?» (1965 г.) и «Вот какие караси!» (1968 г.).

Евгений Матвеев

**ФЕДЯ
СО СВОИМ
УТЮГОМ**

Рисунки Г. ОГОРОДНИКОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
МОСКВА 1971

ДЕЛИКАТНО ИЗ РУЖЬЯ

**«Ой ты любовь, любовь наша,
Когда сердце в груди пляшет!»**

(Такой уж стих.)

Любя Зину, Зинин папа огоршил Васю нехорошим взглядом и словами:

— Чтобы ты с моею Зинкою—ни-ни! Ни малейших женитьб! Любя Зину, Вася ответил: «Женюсь».

Любя и папу и Васю, Зина нейтрально всплакнула.

Однако была весна, и голуби мурлыкали, и за хутором улюлюкали соловьи. Весна действовала очень бракосочетаяще. Не дремал по весне и Вася. Так что к лету Зина перестала нейтральничать и без лишних слез сама заговорила с родителями.

— За Ваську не выходить! — не передумали родители. — Он некрасивый, он неумный, у них корова бодучая!

К родителям присоединились несколько тетя и бабушка-старушка, взявшие Зину в ежовые рукавицы. Они тоже любили раскрасавицу Зину и не любили нераскрасавца Васю.

И лето, и осень, и чуть ли не всю зиму ежовые рукавицы не давали событиям происходить. Но чему не миновать, тому уж не миновать, и в конце концов Вася выразился перед Зиной решительно.

— Эх! — выразился он. — Эх! Как говаривал всегда принц Гамлет, была не была!.. Идем вдвоем к папашам и мамашам, и ни шагу назад!..

Они взялись за руки и сквозь строй тополей, прутастых, как венники, зашагали вдоль хутора решительно, как октябрюта.

Первой из Зининых родственниц встретилась на пути бабушка-старушка. Она всплеснула руками и воскликнула:

— О господи, святые Николай-угодники! Опять!

Миновали бабушку-старушку.

Первой из тетей попала тетя Катя. Она тоже всплеснула руками и тоже воскликнула. Но воскликнула не в пример энергичнее бабушки, от чего Зина покраснела, Вася заскрипел зубами, а проходивший незнакомец остановился, потоптался и сказал: «Вот так баба!»

Миновали и тетю Катю. А миновав ее, вышли как раз на тетю Душаню, стоявшую, как подобает казачке, подбоченясь и у плетня.

Тетя Душаня не прибегла к жестам. Она взяла не формой, а содержанием.

— Идете? — спросила она. — Идите, идите. Там уже вас ружье дожидается. И чем, думаете, заряжено?..

И хотя тетю Душаню тоже миновали молча, и хотя уж и крыша Зинино дома завиднелась, Вася вдруг впечатлился.

— Я твоего отца знаю, — сказал он мрачновато. — У него нулевая дробь. Видела картину «Иван Грозный убивает своего сына»?.. Конечно, я ему не сын, а ты вон и вовсе наоборот, но все равно лучше уж это самое... к нам сначала пойдем.

В Васином доме было чудесно. Распростертые объятия были в Васином доме, горячие поцелуи, родственники появились, приятели, на столе появилось все, что надо... Смотрины так уж смотрины!

И уж песню было затянули:

Вся от солнца золотая
Вся на лодочке плывешь...

Как вдруг бухнули двери, и в дом ворвался небольшой вооруженный отряд в три тети.

— Руки! — тяжело дыша, крикнула тетя Катя. — Руки!..

«Ну! — яростно подумал Вася. — Если она сейчас скажет «Руки вверх!», то я!»

— Руки на себя наложу! — выговорила наконец тетя Катя.

— А мамка ейная уже утопла! — соврала, появляясь в дверях, приотставшая бабушка-старушка.

Тут, конечно, Зина — из дому, Вася — за Зиной, гости — за Васей. А впереди всех три тети.

А на улице неподалеку — птица-тройка. Тети Зину хватить — и в санки. Коней хлестать — и помчались. За конями — обкраденный Вася, за Васей — рассердившиеся гости, за гостями — снова отставшая бабушка-старушка. Так что проходивший незнакомец, поспешавший уже обратно, снова остановился, снова потоптался и малокультурно сказал: «Эк как они тут все поопупевали!»

Тройка примчала уворовавшую невесту к дому тети Душани, как к самому крепкому в отношении запоров. В доме уже сидели родители, в углу стояло ружье.

Однако до дроби дело не дошло. Преследователи побегали-побегали вокруг дома, высказались на холоду, но на приступ так и не пошли, остав без пальто и шапок.

В доме же состоялось собрание родственников. Повестка дня была такая:

1. Почему Зина питает чувства к Васе?

2. Как далеко у них зашло дело?

3. Нельзя ли Зину отвлечь каким-нибудь посторонним Константином?

После собрания Зина ревела три дня и не выходила из тети Душаниного дома. Но, впрочем, если бы она и не ревела, то все равно бы из дома не вышла, потому что под надзором сидела.

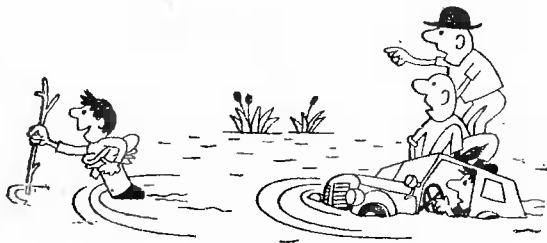
Может, ее и дольше держали бы взаперти, да на работу ее вызвали, на молочную ферму, где Зина работала фельдшером.

А потом проявили отцовскую заботу и о Васе. Общественность проявила. Общественность любила быть в курсе всяких интересных событий и любила проявлять о чем-нибудь заботу.

Общественность не замедлила выяснить, во-первых, почему Вася питает к Зине такие чувства; во-вторых, до каких именно ласк дошло у них дело и, в-третьих, нельзя ли Васю отвлечь от Зины какой-нибудь посторонней Агафьей Тихоновной.

Проявил заботу и председатель колхоза. Васе он отсоветовал иметь дело с Зиной, а то опять шуму не оберешься. Зинину папе он посоветовал не иметь дела с огнестрельным оружием, а то опять шуму не оберешься. Председатель любил порядок.

Коллективная и индивидуальная воспитательная работа не пропала даром. Зина живет теперь на другом хуторе, а в свой навещается редко. Вася хотя и остался дома, но тоже уразумел, что именно любят земляки, а что не любят. Поэтому, например, когда он ехал со мной к Зине на «газике», то лег животом на сиденье, заведя впереди тетю Душаню, а потом чуть не утопил нас в речке, показывая дорогу в объезд правления колхоза.

ЗУБ МУДРОСТИ

В этой истории чего-то не хватает.

Тут так. Районный центр. Суббота. Баня. Очень хорошо. Угоревший в бане зоотехник Поляновский. Лежит в постели и плохо выглядит.

Тот же районный центр. Начальник производственного управления сельским хозяйством товарищ Бутаков сидит дома за столом и тоже выглядит неважно, хотя и по другой причине. На него в это время алкоголь действует.

Все там же. Хорошо выглядящий шофер райисполкома Коля Непеченкин безмятежно смотрит телевизор, не зная еще, что будет выглядеть хуже всех.

Пока что никакой динамики. Разве что алкоголь действует, да и то на одного лишь товарища Бутакова.

Но действует. И в результате в товарище Бутакове просыпается естественное человеческое желание — навестить угоревшего подчиненного.

Однако райцентр этот застроен так, что зоотехник Поляновский местожительствует в полутора километрах от товарища Бутакова, а шофер товарища Бутакова — еще дальше от товарища Бутакова. Три до него километра.

Поэтому товарищ Бутаков берет телефонную трубку и говорит в нее: «Привет, Евгений Васильевич!» Это здесь председателя райисполкома так зовут — Евгений Васильевич, и товарищ Бутаков просит у него по дружбе одолжить ненадолго шофера.

Пожалуйста. Шофер Коля Непеченкин по приказанию тут как тут, — В «Сельхозтехнику»! — говорит ему товарищ Бутаков.

— А мне к зоотехнику Поляновскому велели! — удивляется Коля.

Он хоть и быстро явился по приказанию, все же не успел к сме-не желаний товарища Бутакова. А тому хотелось теперь именно в «Сельхозтехнику», где он как раз кое-что забыл.

Поехали в «Сельхозтехнику». Приехали. И тут товарищ Бутаков забыл, чего он тут забыл.

— Не! — сказал он тогда. — Не тут. Обратно, а потом направо. Прямо и опять прямо. Там слева улица, которая как-то называется.

— А мне велено к Поляновскому, — супрямничал шофер Коля.

— Выйди! — сказал ему на это товарищ Бутаков. — Выйди-выйди и уйди от греха.

— А мне не велено, — не поддался было Коля, но товарищ Бутаков молча сдвинулся влево и выдавил его из машины.

— Почему? — поинтересовался Коля, измазавшись о дорогу.

А у товарища Бутакова без Коли ничего не получалось.

Никакой езды, как ни крутил.

— Чего смотришь? — спросил он Колю, топча не ту педаль. — Садись на место!

Коля сел, но везти соглашался только к зоотехнику Поляновскому, к которому велено было. Или, на худой конец, — к своему начальнику Евгению Васильевичу. И что Евгением Васильевичем будет перевелено, то и будет исполнено Колей Непеченкиным.

— Паразит ты! Идиот! Хам! — необъективно выразился товарищ Бутаков.

— Это вы на что намекаете? — не понял Коля.

—!!! — довыразился товарищ Бутаков, и машина покатила к дому председателя.

Возле дома они вышли. Коля из машины, а товарищ Бутаков — еще и из себя. Решительно. После чего шофер Коля с хрустом влетел в куст крыжовника.

— Ах ты, батюшки! — странно молвил при этом товарищ Бутаков.

— Пехком пойдете к зоотехнику! — припугнул из куста хорошо ударенный Коля.

Это были золотые слова, но товарищ Бутаков отнесся к ним невнимательно. С него тут очки свалились, и он теперь не видел

без них, где они лежат. Он и Колю-то нащупал теперь исключительно по голосу и, выдрав его из куста, потыкал носом в почву.

— Ищи! — приказал он.

— Темно, — возразил Коля и был прав. Вечерело в райцентре.

Тут и председатель выбежал на улицу поинтересоваться шумом. Как раз товарищ Бутаков примеривался, куда бы дать Коле еще одного лебца.

Евгений Васильевич по-вратарски словил кулак товарища Бутакова, и если шофер Коля при этом снова шлепнулся о землю, то на сей раз самостоятельно, потому что под ногами ухабисто было.

— О чем дискутируете? — справился председатель, лаская кулак товарища Бутакова.

— Есть ли жизнь на Марсе, — шутканул товарищ Бутаков.

— Ну и как?

— Нету.

— Есгы! — сказал Коля, протягивая только что найденные очки. И сплюнул.

Он не в знак неуважения сплюнул, он просто кусочек от зуба выплюнул, и на него не обиделись. Тем более, что он очки нашел.

— Отказывае:ся везти меня к Поляновскому! — указал на него товарищ Бутаков, желания которого замкнулись-таки на угоревшем сослуживце.

Больно было шоферу Коле слышать такую неточность, но не сказал он ничего, потому что говорить было еще больнее. Молча выслушал он от председателя слова укора и молча отвез товарища Бутакова к зоотехнику Поляновскому.

Товарищ Бутаков благополучно поинтересовался здоровьем зоотехника и выразил самое последнее искреннее желание — спать. Которое и осуществилось.

Зато шофер Коля прободрствовал целую ночь, слушая пострадавшую челюсть. Не спала и разгневанная жена его. Она вскипела сразу же, как только муж вернулся.

— Где это тебя?! Кто?! — вскрикнула она вопросительно.

Коля с уважением указал на потолок, выплюнул еще один кусочек зуба и проговорил то, что выговаривалось.

А потом в дальнейшие события вовлеклась масса людей.

Сначала стоматологи вытащили изо рта Коли один недобитый зуб, а другие поврачевали оставшиеся. Заврачевали так, что Коля более-менее внятно и вежливо сумел сказать им на это: «Спасибо за внимание!»

Потом хирурги наложили шину на сломанную челюсть, и Коля опять умолок на полтора месяца. В событиях новых же другие люди участвовали.

Колина жена сразу же сообщила об избитном супруге в райком, свояченица — в милицию, а тесть с помощью прокуратуры возбудил

уголовное дело. Коля же молчал и питался жидкой пищей с блю-дечка.

Многие возмущались. Даже товарищ Бутаков поначалу возмутил-ся ходящими слухами и серьезно поугрожал Коле. Но Коля кое-как объяснил ему, что это не он, Коля, виноват в распускании, и то-варищ Бутаков, смягчившись, сказал: «То-то!»

Однако следствие шло полным ходом, райком подумывал о новой кандидатуре на должность начальника производственного управле-ния сельским хозяйством...

И тогда в товарище Бутакове опять проснулось естественное че-ловеческое желание — посетить пусть не своего, но побитого-таки подчиненного и подарить ему что-нибудь со своего плеча. Он при-шел пешком и подарил часы.

Тут уж шофер Коля не мог молчать. Вернее, он уже мог не молчать, потому что челюсть чудесно срасталась. Он сказал това-рищу Бутакову «спасибо», а следователю и прокурору — что не имеет никаких претензий к товарищу Бутакову. И уголовное дело на этом прикрылось. На нет ничего и нет.

Вот и все.

— Чего тут, в этой истории, не хватает? — переспрашивает теперь Коля и задумывается. — Одного зуба у меня теперь не хватает, но это все равно незаметно. Это зуб мудрости.

Он по-прежнему шофер на хорошей работе, и к нему тоже ника-ких претензий. И еще у Коли — новые часы.

ВО ПОЛЕ—НОЧЬ,

в ночи — гвозди и мы. Еще — арбузы, звезды и сторож Лямзин. Луна также имеется. За тучкой.

Но главное — мы и гвозди. Они торчат из дороги, по которой мы идем. Поэтому мы не просто идем, а идем, остро воспринимая действительность.

Тут такое дело: бахча тут. Арбузы соком наливаются, сильно смущая прохожих и проезжих.

И не стоит убеждать читателя в том, что человечество падко на арбузы. Если б, скажем, существовал какой-нибудь бюллетень «Кто ест что», то там наверняка было бы сказано: «Арбузы едят все». Но одна газета попыталась однажды посеять к арбузам недоверие. Поросенок, написала она, гораздо нужнее организму, чем арбуз. А через неделю под рубрикой «Так поступают настоящие люди» газета сообщила о том, что комсомолец Слава Бычков подобрал в трамвае поросенка и принес в редакцию.

Видите: арбуз вот никто не потерял, а потеряли поросенка. Но если б даже и арбуз... Не принес бы его Слава Бычков в редакцию.

Ручаюсь. Сам бы съел. И недосчитались бы тогда мы в своих рядах одного настоящего человека.

Имея дело с арбузами, человек порой теряет лицо: то в очереди некрасиво заерепенится, то потом уж сердцевинку себе постыдно выковырнет на глазах у ближних. А в иных случаях, наоборот, человек как раз свое истинное лицо показывает.

Вот потому и торчат из проселочной дороги, пролегшей вдоль бахчи, эти гвозди. Их туда сторож Тимофей Ковтун вмастерил.

Есть возле бахчи и другая дорога, асфальтовая, республиканского значения, не тронутая Ковтуном. Не решился он влиять на грузооборот республики, да и гвозди иссякли.

От этой-то дороги и напасти. То и дело проезжий человек тормозит возле бахчи. Вкусить арбузик на месте ему не возбраняют — вкушай! Вкусит человек, и на тебе: потерял лицо. Плохо улыбаясь, тащит арбузы в кузов, в багажник, в коляску... Тащит, одним словом.

И, конечно, встречает возражения со стороны сторожа. Сторожа Лямзина, например, однажды даже неувечно побили его же палкой, столкнули в канаву и укатали с арбузами на грузовике. Только и сумел сторож записать номер машины.

Он не боец, сторож Лямзин. Ноги у него больные. Он только номера машин на стенке будки записывает. Не то что Ковтун Тимофей. Усмотрел Тимофей ночью фары в степи. На свет поспешил. Пока шел, фары погасли у самого края бахчи. Оказалось: мощный трайлер и семеро горцев на нем. Ковтун остановился не доходя.

— Здравствуйте, друг! — закричали горцы. — Мы тут у вас дорогу потеряли!

— Нету у нас дороги! — отозвался Тимофей. — Почему свет потушили?

— У нас тут у вас лампочки перегорели!

— Нету у нас лампочек! — стоял на своем Тимофей. — И арбузов нету!

— Ай, друг, зачем неправду говоришь! Ты лучше так скажи: возьмите арбузов на дорогу!

— А я вам говорю: нету дороги! Соль есть! Стрельну куда надо!

— Соли нам не надо, — сказали незнакомцы. И, включив фары, уехали в сторону Мокрой балки.

...Мы сейчас тоже идем в сторону Мокрой балки.

— Я не йог, чтоб по гвоздям ходить! — говорит колхозный инженер Хлюстов и забирается в бетонный оросительный лоток, который тоже вдоль бахчи тянется.

В лотке хлюпает.

Рядом, в бурьяне, шебуршат мышки.

Лотки тоже имеют отношение к арбузам. Из-за них арбузы поспе-

вают вовремя. А из-за арбузов поспевает вовремя местный «Водострой». Не зевает. Созрели арбузы — лоткам сразу проверочка: не протекают ли они, не замусорились ли, по-прежнему ли бетонны и вообще что это за штуки возле них произрастают.

Аккуратное поспевание наблюдается и у электрификаторов. Две их высоковольтные линии неподалеку от двух бахчей. Тоже интересно знать, крепки ли в сентябре опоры, не осыпаются ли изоляторы, провода не разболтались ли, и вообще как высокое напряжение сказывается в сентябре на вкусовых качествах арбузов.

А также в это время охотничий сезон открывается, и обыкновенные охотники делаются большими охотниками до арбузов.

А также вертолет назеживался из районного центра. Летел-летел в другой районный центр да и промазал. Сели узнать, где север, смотрят — а никакого севера нету. Одни арбузы вокруг и очень кстати.

При такой службе сторожа на скуку не жалуются. Жалуются на неимение права стрелять солью. Разрешено только дробью и только в воздух, да и то если в нем самолеты не содержатся.

Сегодня бригадир снабдил сторожей последними боеприпасами: 1,5 килограмма дробы, 300 граммов пороха, 100 граммов капсюлей. На завтра колхоз увезет отсюда последние арбузы, и вокруг будет покой. Последние лакомки теперь ожидаются.

Но нет пока никого. Так и не напоровшись на гвозди, мы добрались до дальнего края бахчи и уселись на сторожевой вышке. Лучи насквозь тучки протолкались. Над горным хребтом теплится зарево нефтегазовых факелов. Цикады нарушают тишину нежными милиционерскими свисточками.

Вообще-то набеги бывают не только на арбузы. И разный другой продукт в колхозах рождается. Осень для милиции — самый сезон поимок с поличным.

Да и не только для милиции. Еще и общественность рейды устраивает. Сам председатель райисполкома в таком рейде целый автобус набегчиков обнаружил. Увидел в степи автобус, взял и заподозрил. Но пока подъехал к нему, пуст автобус оказался. Только шофер да виноград внутри. Шофер, конечно, заехал сюда по ошибке. Дорога прямо из-под колес пропала.

— А люди где?

— Люди где-то. Один туда ушел, другой сюда ушел, третий не знаю куда ушел. А я никуда не ушел, я тут сижу.

— А виноград откуда?

— Очень даже не знаю, откуда виноград. Посмотрел назад, а он в автобусе сам лежит.

Что в таких случаях делают? Обнаруженный продукт отбирают. Иногда штрафуют. Иногда (инициатива колхозных руководителей) заставляют отработать грех в колхозе. Иногда конфискуют важные

личные автомодетали: ниппели, насосы, регулировочные винты, крышки баков... Неподсуден человек, если меньше чем на сто рублей государство разорил.

В пределах сотни набейчик и держится. Чем сто, лучше два раза по пятьдесят. Еще лучше — три раза по семьдесят. А пять раз по восемьдесят — это совсем в аккурат. Без риска.

Но арбузы — статья особая.

— Напишите статью о том, — говорили мне в колхозе, — что с этими арбузами особенное беспокойство. Хищение не хищение, а отвечат каждый наведается. Вы напишите, а мы вам за это — арбуз.

Кое-что человеческое не чуждо и фельетонистам. Поэтому я написал фельетон. А мне за это — арбуз. И никаких гвоздей.

**БЫЛА
ВЕСНА,**

и хотелось глупо любить всех. В том числе и начальников. Своих. И чужих. Своих хотелось даже дружески удивить чем-нибудь. Не то чтобы подойти, по плечу потрепать и воскликнуть: «Милый, милый, смешной дуралей!» Нет, к таким крайним восклицаниям прибегать не следовало. Не всякий начальник поймет, когда — шутка, а когда — нет. Воспримет «милого» всерьез, подумает: фу, какая грубая лесь!

А к лести Василия Ивановича не влекло. Он и сам был начальником (директором Перепольского древокомбината он был), и сам он к подобному примитивному поступку отнесся бы неодобрительно.

Приятный же сюрприз подмывало преподнести ко дню рождения Ростиславу Семеновичу Репину, командовавшему местной промышленностью всей области.

Можно было бы, конечно, по такому уважительному случаю приятно ошарашить начальника рапортом о досрочном выполнении плана, но от такой липовости директору самому чудно стало.

Поразмыслить надо было. В деликатных ситуациях вполах ничего не решишь. Решение надо высиживать тщательно, с толком. Как яичко.

Неплохо бы уважить, например, какую-нибудь начальникову слабость, хобби какое-нибудь. Вот если б он мебельные гарнитуры коллекционировал, то преподнести бы ему, скажем, мебель перепольского производства. Вот, мол, вам, для примера, наши печки-лавочки.

Но начальник гарнитуров не коллекционировал, тем более перепольских. Да и опять же шокирующий общественность подарок. Скажут: неспроста он это затеял.

А хочется спроста затеять. Без всяких задних мыслей.

Стал думать дальше.

* * *

Дежурный пожарник колхоза «Свет» сидел и соблюдал меру противопожарной безопасности. Он курил в специально отведенном для этого месте.

А прямо к этому месту катил по деревне грузовик, и воробы, как шрапнель, прыскали из-под колес.

Возле пожарника грузовик остановился. Шофер из кабины вылез и две женщины с лопатами.

— Откель? — по-древнедеревенски поинтересовался пожарник.

— С Перепольского древокомбината, — сказал шофер.

— А, — сказал пожарник обыкновенно. — А я думал, еще откуда-нибудь.

— Где у вас тут навоз расположен? — спросил шофер.

— Вон, — указал пожарник. — Та куча.

Шофер умело подрулил к куче, и обе женщины взялись за физический труд. А шофер к пожарнику подошел и папироску стрельнул. Покурили.

— Завтра в область еду, — сообщил, посидев, шофер.

— А, — сказал пожарник. — А я думал, еще куда-нибудь.

— Не, — сказал шофер. — В область. Велено сначала к вам, а потом в область. Открытку поздравительную повезу нашему начальнику управления от нашего директора. Навоз тоже.

— А навоз зачем?

— Фиг его знает.

— А, — сказал пожарник. — А я думал, еще зачем-нибудь.

* * *

Была весна, и хотелось глупо любить всех. В том числе и подчиненных. Своих. И чужих. Своих хотелось даже дружески приласкать.

Не то чтобы подойти, по плечу потрепать и шутливо воскликнуть: «Милый, милый, смешной дуралей!» Нет, к таким крайним восклицаниям прибегать не следовало. Не всякий подчиненный поймет, когда — шутка, а когда — нет. Воспримет «дуралея» всерьез, подумает: фу, какое грубое чванство!

А к чванству не влекло.

Можно было бы, конечно, по такому уважительному случаю потакать всяким слабостям своих подчиненных. Но тоже не то. Узнают про такое всякое на стороне и подумают: неспроста он так распустился.

А хочется, чтоб спроста. Без задних мыслей. Слабость надо поощрить очень невинно-человеческую.

* * *

Тут и подоспел грузовик из Переполюска. Тут начальник управления немножко удивился и немножко по-доброму улыбнулся. Сказал:

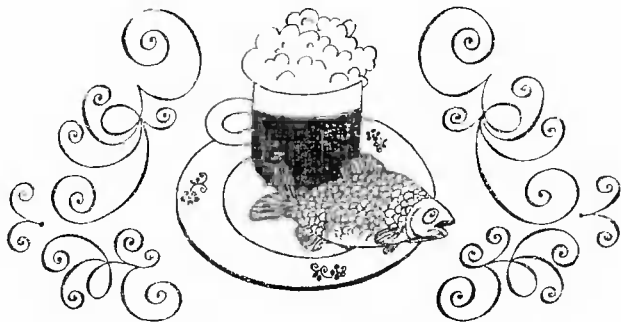
— Ничего. Если ему нравится делать людям приятное — пусть.

И вышел из управления и, не чураясь, сел в грузовик с навозом.

— Трогай, дружок! — произнес шутливо. — Если хочешь, то ко мне на дачу.

На даче начальник управления тоже ничем не гнушался. Позволил выгрузить навоз на грядки, а на прощание сказал просто и хоршо: «Спасибо!»

ВОТ В МОСКВЕ ВОБЛЫ НЕТ,

и через этот любопытный факт граждане, пьющие пиво, попадают в отдельные ненужные истории. Да еще впутывают туда разных сторонних непьющих.

Один такой любящий пиво товарищ живет в Москве, носит фамилию Горбунов и имеет в городе Шахты давнишнюю знакомую по фамилии Ромашкина. Когда-то они там по соседству жили.

А в южном городе Шахты вобла как раз случается.

«Здравствуй, Маша! — пишет поэтому товарищ Горбунов товарищу Ромашкиной. — С приветом к тебе — Федя! Не могла бы ты, Маша, прислать мне по старой соседской дружбе пяток вобл, а то пиво без воблы — все равно, что вобла без пива!»

Маше что. Душа у нее отзывчивая, память удовлетворительная. Вспомнила: да, был такой Федя Горбунов по соседству. И отнесла на почту просимую воблу.

И сразу — драма. Не совсем, правда, сразу. Сначала Маша домой с почты вернулась. Вернулась, а дома муж сидит. С курорта приехал, на лице улыбку привез, силы в нем восстановились физические и духовные тоже...

В такой вот радостной ситуации только что поцелованная Маша и роняет на пол квитанцию только что отправленной посылки.

— Так! — говорит тогда Машин муж, переставая прекрасно выглядеть. — Мужчина?!

После чего берет себя в руки и в дальнейшем не душит жену.

Не бьет. Не замахиивается предметами обихода. А просто с криком не верит в неамурное содержание посылки. Так что Маша снова бежит на почту и просит вернуть посылку для показа мужу.

Но, оказывается, шахтинская почта уже отправила посылку в Москву. Маша телеграмму туда: верните посылку обратно. А там не успели спохватиться, как пришел Горбунов, забрал свою воблу и с удовольствием не стал с ней канителиться.

И когда наутро получил служебную телеграмму от начальника почтового отделения со словами: «Верните посылку обратно по требованию отправителя»,— то только пожал в душе плечами. Но на почту все же пошел и сказал, что вобла уже непоправимо съедена и запита пивом.

— Экий вы бестолочь! — посоветовали ему. — Замените ее другой воблой, эквивалентной.

Смешно тут стало Горбунову от такого наивного предложения. Ушел, смеясь.

И получил потом опять извещение: зайдите на почту.

Опять зашел. Оказывается, Маша пожаловалась уже на работников почты, и теперь на почте побаиваются каких-нибудь мер.

— Ну съел же я ее, съел! — объяснил Горбунов. — Всю.

— Давайте сделаем так, — предложила начальник почтового отделения. — Вы напишите письмо, а я доставлю воблу.

Опять посмеялся Горбунов, а потом в голове забарахтались разные вопросы. Написал своей подруге детства: «Что с тобой, Маша?!»

А Маше плохо было. Неудобно было Маше перед Федей. Но сидит перед нею муж, переполненный подозрениями, и непоколебим, как баобаб. Плохо ест, плохо спит, нехорошо разговаривает. Вот и бежит Маша на почту, и требует, и требует... И поругивают в Москве на совещаниях начальника почтового отделения за такой долгий невозврат. И зовут, зовут Горбунова на почту...

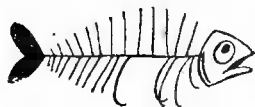
— Я,—говорит теперь Горбунов приятелям,—через этот дефицит угодил в историю, как черт в рукомоиник.

— Я,—говорит начальник почтового отделения,—совсем не знаю, как и быть.

— Я,—говорит Машин муж,—любим? Или он?

Видите, чем все это кончилось? Все теперь тут есть: окающая ревность, служебные невзгоды, дружба детства, содержательная переписка, слезы... Крики души есть. Любовь какая ни на есть.

А воблы нет.

ДЕНЬГИ ЗА БОЧКУ

Жителями станицы Веневицкой полюблена голубизна. Такой у них мягкий вкус, у жителей станицы Веневицкой. В хозяйственном магазине о голубой краске толкуют постоянно и крайне злободневно.

Но вот привезли в магазин бочку краски. Очень большую и очень железную бочку. И очень закупоренную. С чем бочка, сразу не углядишь, но в документе при ней замечательные слова: «Краска голубая, густотертая».

Бочку еще в магазин втранспортировать не успели, как уж сбегалось к ней небольшое количество взволнованных станичников.

— Однако погодыте, погодыте! — сказал продавец Винник.

— Пробка тут крайне ввернута, — объяснил он.

— Петяня у нас специалист по пробкам, — в меру пошутили станичники.

— Я серьезно сказал! — серьезно сказал Винник.

— А он и по серьезным пробкам специалист, — говорят станичники.

Сбегав, привели Петяню — крепкого мужчину с железным инструментом.

И Петяня с пробкой расправился. Потом сунул в дырку палец, вынул и сказал: «Голубая».

— Голубая! Голубая! — зашумели станичники и тоже пообмакивали пальцы. — Да полна!

— Как же это? — заинтересовался вдруг продавец Винник. — Как же они в такую малюсенькую дырку такую густотертую краску определили?

Это он в адрес базы материально-технического снабжения сказал.

— Ты это не надо! — тараторили между тем станичники. — Продавай давай! Петяня, утавь тую бочку в магазин!

Петяня сделал, как просили. Обежали станичники кругом магазина, парадным ходом в магазин попали, в очередь выстроились, а продавец снова грустит возле поставленной у прилавка бочки.

— Как же это? — говорит он. — Какая есть возможность из нее выковыривать? У меня нету этой возможности.

— А Петяня? — сказали про Петяню.

— Дай-ка тряхану ее! — отозвался Петяня.

Но оплошал и он, хотя и подступил было к бочке угрожающе, как будто собрался душить Дездемону. Физических сил не хватило Петяне.

— Паралик ее расшиби! — выразилась старушка, вторая в очереди.

— Во! — обрадовался Петяня. — Можно я ее расшибу?

— Погоды! — сказал продавец Винник. — Сейчас гляну...

Посмотрел в документ при бочке, а там сказано: «Тара—возвратная». Обратно на базу отсылать потом надо.

«Нельзя коверкать!» — вздохнул продавец Винник и не поддался в тот день ни на какие уламывания. И еще несколько дней подряд не поддавался. Сидел возле бочки, думая.

А покупатели бушевали, как паровозы.

И придумал продавец Винник. Опять не без Петяни пошли твориться дела.

— Бери зубило, — сказал ему Винник. — Рушь дно! А потом автогенем заварить обратно сообразишь?

— Сообразжу же,— пообещал Петяня,— рушить. А за автоген отдельно похлопочу.

Так и сделано было. И порушено, и поторговано, и похлопотано, и заварено, что порушено, очень хорошо.

Очень хорошо. Возвращать бочку собрались на базу.

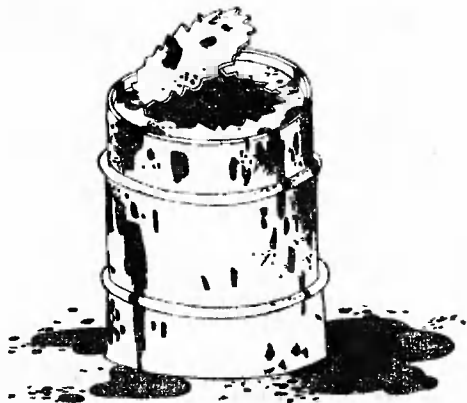
А оттуда вдруг бумага. А в бумаге вдруг слова: задержка нашей тары вам даром не пройдет. Пятикратная ответственность будет: 52 рубля 01 коп.— на бочку.

И, конечно, оштрафовали продавца Винника на обещанную сумму.

А он очень хороший человек оказался, продавец Винник. Специально публикуем о нем теплые слова. Другой на его месте замучил бы потом суды своею тяжбю с базой. А он не мучит. Просто уплатил, сердясь, штраф, повременил чуть для приведения в порядок нервов и стал даже видеть события в несколько розовом свете, считать даже стал, что пострадал за народ, за станичников своих, у которых голубой краски теперь столько, что ежели, скажем, рисовать ею море, то это будет не просто море, а море голубой краски.

Он, продавец Винник, только снова (но потихоньку и на досуге) ломает голову над вопросом: как же таки ту бочку напичкали, способом каким?

И еще. Ежели штраф пятикратный, откуда в нем эта «01 коп.» завелась? Но это уже мелочь.

ПОДЕЖУРИТЬ ПОПРОСИЛИ СЕМЕРЫХ,

а явилось подежурить тринадцать.

Случилось это в поселке Ужеуж. Это такой поселок, где хулиганы есть, а дружинников нету. И вот эти тринадцать явившихся и оказались первыми местными дружинниками.

Явились они в поселковое отделение милиции очень сознательные и очень гордые от того, что их количество чуть ли не в 1,859 раза превышает ожидаемое. Приемщик вагонов Панин, кузнец Чефранов, бригадир Евсеев и еще десятеро...

В милицию они пришли за повязками и за инструкциями. Как раз пять часов вечера стукнуло — время, когда часть жителей начинала вести себя очень уж по-военно-воздушному: сплывалась в

звенья из трех единиц, заправлялась горячим и с ревом барражировала по поселку, сея страх среди мирного населения.

В такое суровое время дружинники и подошли к милиции.

И тут как раз из соседнего дома песня понеслась.

— Выразительно поют! — заметил начальник вагонного депо Со-мов, имея в виду форму исполнения.

— А по-моему, без выражений еще, — сказал мастер Переверзев, имея в виду содержание песни.

А председатель месткома Василенко остановился, пожал плечами и говорит вдруг:

— Но не из этого дома звук, а из вот этого.

— Да тут же милиция! — укорили председателя. — Ты что!

А он упрямо: из вот этого, говорит, да из вот этого!

И не обманулся ведь. Из милиции и несло.

— «Шел я сквозь выюгу, — несло из милиции, — шел сквозь небо, чтобы тебя разыскать на земле!..»

А войдя внутрь, тут же все и разглядели. Бутылки из-под крайне тонизирующих напитков разглядели и уже тонизированную ими компанию. Пела компания и впрямь выразительно, но и впрямь без лишних выражений — в милиции как-никак сидела.

— Здравствуйте! — сказал оперуполномоченный Исаев, допев куплет самодеятельным голосом. — Добрый день! Будьте здоровы!

Дружинники озадаченно поздоровались. И добавили, что явились для помощи милиции.

— Правильно! — одобрил из-за стола неизвестный в штатском. — Помогите его найти!.. Он такой большо-ой... Большой и весь си-ний... Как лимон.

— Кого? — не поняли пришедшие.

— Не знаю я, — опечалился штатский. — Я его люблю.

— Повязки нам дайте! — хмуро сказал кузнец Чефранов.

— Сию-пресию секундочку! — отозвался оперуполномоченный Исаев и скомандовал сидевшим: — За повязками за мной!

Сидевшие стали вставшими, вылезшими из-за стола, направившись к двери, миновавшими дверные косяки, вышедшими на улицу... А оперуполномоченный Исаев сплоховал. Он, правда, не так уж сильно сплоховал. Ничего такого не сделал. Он хотел чего-то сделать и в дверях взмахнул рукой. Может, козырнуть решил, а может, и помахать ручкой по-штатски. Но очень горячо за это взялся и пал в глазах общественности. Но он не сильно пал, в грязь лицом он не ударил, а ловко вскочил на ноги и тоже удалился.

А общественность одна в милиции осталась. Час посидели — никого. Полтора посидели — никого.

— Так и запить с тоски недолго, — сказал кто-то.

— До нас уже выпито, — возразили ему, — все пусто.

И уйти — не уйдешь, чтобы самостоятельно подежурить. Валяют-

ся в комнате документы какие-то, фотоаппарат, винтовки малокалиберные, ну и бутылки...

— Сдать бы их надо,— хозяйственно заметила парторг депо Рязанова.

— А на вырученные деньги кумача купим,— поддерживали ее,— и сами себе повязок настрижем.

— Да я не про бутылки,— сказала Рязанова.— Оружие и прочее девать нам куда бы...

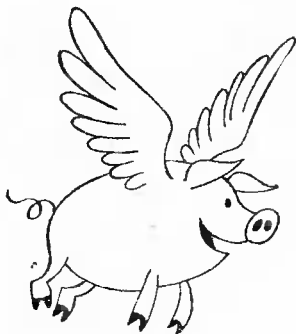
Взвесили все трезво, сходили на улицу, поискали, привели пожилую магазинную сторожиху. Очень такую практичную пожилую магазинную сторожиху. Без лишних слов (сказала только: «Во как набузонились!») повозилась она с замками и как-то заперла двери милиции.

— «...чтобы тебя-а отыскать на земле!..» — зазвучало тут где-то в переулке, и дружинники побежали туда, думая, что это милиционеры их ищут, заблудившись в сумерках.

Но нет. Не милиционеры это пели, а местные хулиганы. И вставляли при этом в песню ненужно грубые слова.

Хулиганы в Ужеуже все еще водились.

ТАКИЕ НОТКИ

Лично я, как и вы, трудящийся. Учетчик я, но это в общем-то к делу не относится, потому что вас, может быть, даже и не интересует, какую продукцию я учитываю. Ну, да ладно.

Итак, я, значит, учетчик. Но главное, не знаю, как вам, а мне вот очень нравится отдыхать на даче где-нибудь, не на юге. Это помогает.

В нынешнем году я в Гигиэнске отдыхал. Хорошо там, в этом Гигиэнске! Верите ли: природа стоит, как первозданная! И тут же дом отдыха, о котором мне и хотелось бы с вами поговорить, потому что молчать не хочется.

Вот представьте себе. Идете вы, например, за гонобобелем. Или там в баню, чтобы мыться. Или все равно, в общем, куда, лишь бы возле дома отдыха попутно пройти. И вдруг вы слышите не что иное, как песню, которую поют. Дом отдыха ее по радио транслирует, и слова в ней при этом такие. Я их в точности запомнил:

«Стоят,— поет мужчина,— дворцы. Стоят,— поет,— вокзалы и заводские корпуса. Могу,— говорит,— назвать вам адреса...»

Как бы вы поступили на моем месте? Я так-таки и не знал сначала, как поступить. Что делать, я не знал. А потом я остановился.

Это что же получается: герой песни готов сообщить вам адреса объектов мало ли какого значения! И потом это самое «вам». Кому вам-то? Если нам с вами, то это же просто смешно. Во-первых,

мы и сами знаем, а во-вторых, нам, может, и знать-то этого не следует. А если вам — это им? Тут уж и не до смеху будет.

Вот я остановился так, поколебался немного, но дальше пошел.

Иду, интересуясь окружающим. И получается так, что по ходу дела расположена на траве группа отдыхающих с гитарой. И они поют вслед за гитаристом, который при этом ну прямо как битлз.

«Битлз или не битлз — вот в чем вопрос», — подумалось мне, потому что не совсем ясно было. Брюки на нем, правда, не полуфлотские и прическа, правда, не полудевичья, а даже наоборот — полулысый он... Но вот в песне той звучат совершенно чуждые нам нотки, и он популяризирует их наиболее активно. Он формально орет и бессодержательно.

Не знаю, как бы вы поступили, а я остановился. Потом дослушал песню до конца и обратился к исполнителям.

— Вот вы, — говорю. — поете: «Между небом и землей поросенок вьется...» Как-то это того, недоходчиво. Смешно даже. Разве поросенок... он что, разве он теперь легче воздуха?

Сначала мне немногословный — не то битлз, не то нет — ответил. Он сказал, что поросенок тяжелее воздуха. Однако между небом и землей он не сам по себе вьется, а это он, дескать, внутри самолета...

— По оплошности Аэрофлота, — подсказывает кто-то, может, для рифмы «самолета — Аэрофлота», а может, и в шутку.

— Тогда он летит, а не вьется! — поддерживаю шутку я.

— А это про хвостик поется, — говорит мне девушка — не девушка, но в общем женского пола товарищ. — У него, — говорит, — хвостик кучерявится.

А еще кто-то даже в том отношении выразился, что этот поросенок — гибрид. Произойдя от скрещивания поросенка с жаворонком, он получил возможность спокойно виться между небом и землей. Да еще и хрюкать сверху.

Не понимающий шутки народ оказался. И хотя проходящий мимо товарищ частично выручил их, мне все равно неловко за них стало: не песня это, а гибрид песни с незнамо чем!

А прохожий этот подсказал им, что в песне имеется в виду консервированный поросенок в изо всех сил подброшенной вверх банке. Тоже смешновато, но уже правдоподобно.

Идти бы мне дальше своею дорогой, но я дальше не пошел. Я прямо к дому отдыха свернул для интересу. Дай, думаю, фамилию културника узнаю для интересу.

Иду, значит. Подхожу к массам отдыхающих. Как, дескать, фамилия товарища, несущего ответственность за ваш досуг?

А мне в ответ: — — говорят.

— Чего, чего! — справедливо возмущаюсь я.

— ! — повторяют.

А у него фамилия, оказывается, такая — Пред-

ставляете: скажешь такую фамилию в общедоступном месте — трое суток схлопочешь. Вот тебе и культурник!

Тогда я своей дорогой пошел. Купаться. В речке то есть. Там тоже того-сего наслушался в отношении песен. Поэтому на следующий день я и решил, что надо довести случившееся до сведения широких масс наших читателей. Чтоб знали на всякий случай.

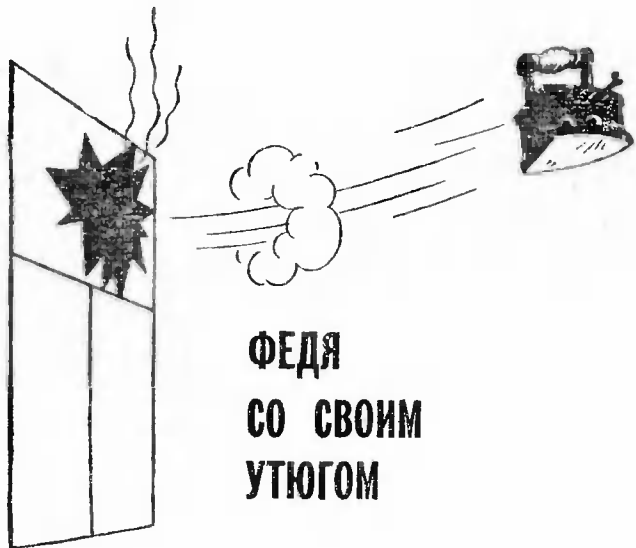
Кстати, о поросятах. Поросята привыкли, им нравится, когда бока им почесывают. Однако надо помнить, что потакать глупым привычкам не следует.

А вот один товарищ забыл однажды про эту заповедь и по глупости зачекотал одного поросенка до полусмерти. Еле откачали.

Все должно быть в меру — вот примерно о чем приведенная мною шутка, вот почему не знаю, как вы, а лично я к вышеприведенному товарищу отношусь отрицательно.

А также не место в наших Гигиенских чуждым нам !

ФЕДЯ СО СВОИМ УТЮГОМ

Пришел ко мне Федя и сказал мне:

— А я утюг изобрел!

— Это хорошо,— сказал я Феде.

Посидел Федя на стуле и спрашивает:

— А почему ты не интересуешься, какой я изобрел утюг?

— Настоящий? — поинтересовался я.

— Бери выше! — говорит Федя.— Летящий. «Летюг» называется!

— И название хорошее! — одобрил я. Он очень хороший человек, этот Федя.

— Он по воздуху летает! — говорит Федя.— Понимаешь? Читал в газетах о летающих блюдцах?

— Да, я читаю газеты,— говорю я.

— Ну вот. Он как раз такой.

Федя опять помолчал и как-то так странно повзглядывал на меня. И опять говорит:

— А вот Клименко, например, ничего не понял. Все с вопросами приставал: куда твой утюг летает да зачем это. Вот такие, как он,

и сожгли однажды на костре Джордано Бруно!.. Ты знаешь, что этот Клименко отмочил?..

— Утюг спалил? — предположил я.

— Он спросил, почему я, изобретатель утюга, хожу в неглаженных брюках. А? Каково?

— Клименко — нехороший человек, — подтвердил я.

— Скучный! — сказал Федя и про Клименко больше не говорил.

Он опять про утюг сказал:

— Знаешь, он у меня, как птица! Представляешь, что это такое?

— Ага, — говорю. — Летает и чирикает.

— Ты что, с ума сошел? — спрашивает Федя.

— Нет, — говорю. — Спасибо. Здоров я.

— Слушай! Ты что сейчас собираешься делать?

— С тобой разговаривать.

— Да нет. Я в том смысле... Может, пойдем ко мне? Сам во всем и убедишься.

— Я тебе и так верю, — говорю я Феде. — Ты хороший человек. А мне сейчас жена должна звонить.

— Жена! — огорчился Федя. — Слушай, а вот ты сам... Вот, допустим, что это ты избобрел летюг...

— Нет, мне не избобрести, — сознался я.

— Ну допустим!.. — настаивал Федя. — Изобрел, и он у тебя есть. Что бы ты стал с ним делать?

— Когда? — уточнил я.

— Ну, да хоть сегодня.

— Сегодня?.. Не знаю.

— Ну, завтра. Какая разница?

— Завтра я бы с ним на охоту пошел.

— На охоту?!

— Ну да! Завтра сезон открывается.

— Как так?!

— А так. Пятнадцатое число завтра.

— А летюг мой при чем?

— А я бы его как подсадную утку взял. Пустил бы в болото, и пусть плавает...

— Ты что? Серьезно? Это утюг-то плавает?!

— А что? Ведь летает же он. Сам говорил: как птица.

— Это я фигурально говорил! — раскипятился отчего-то Федя.

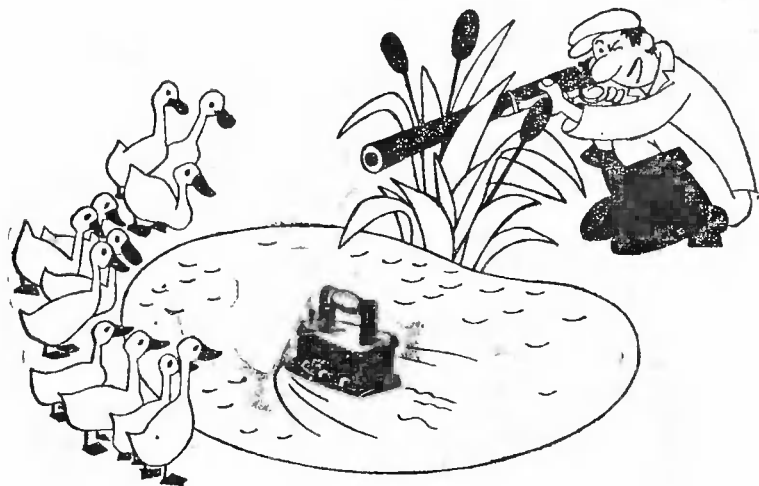
— А, — говорю. — Понятно. Значит, по-настоящему твой утюг как бы иногда и не летает?

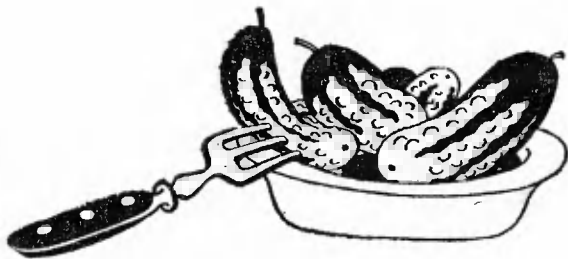
— Летает же! — воскликнул Федя. — Двадцать минут по комнате летал! Видишь вот синяк? Это он меня...

Действительно, синяк был у Феде хороший. Я его потрогал.

— Ну, так я еще раз спрашиваю, — добивался чего-то Федя. — Что бы ты делал, изобретя такой же летюг?

— В шлеме ходил бы:
— Ну, и ходи! — опять не понравилось Феде. — На здоровье!
— О! — придумал я тогда. — Я бы этот утюг изобрел по-другому... Он бы у меня в мягком корпусе был.
— Никакого полета! — махнул рукой Федя и пошел к двери. И сказал мне так:
— Сиди, — говорит, — и жди своего звонка от жены!
Я еще удивиться хотел: как это так можно ждать от жены своего звонка? Но он уже ушел.
Он огорченный ушел, но только напрасно. Я высунулся из окна и крикнул:
— Федя! Пстой! Я бы тогда изобрел примочку! Не свинцовую, а тоже какую-нибудь другую! Федя! Я бы ее эфирную изобрел!
— Эх, люди! — сказал на это Федя и ушел все равно огорченный. Вот ведь до чего привередливый!

ВОТ Я СИЖУ И ДУМАЮ

Вот я сижу и думаю: вот я сижу и думаю, а там, за окном,— жизнь. Вороны там летают, велосипедисты ездят, Сыромятников мебель носит...

Да, жизнь не стоит на месте!.. Хотя нет, Сыромятников, пожалуй, дома сидит. Он сидит, а перед ним бутылка стоит и банка маринованных огурчиков. А он, чудак, сидит, потому что в мебелином выходной сегодня.

Вот и я сижу и думаю: а давно ли мне семнадцать лет было? Давно. Лет тридцать назад. Как сейчас, помню: течет река Волга, а мне семнадцать лет. А в Волге — рыба. Первая рыбалка тогда была на рассвете, первые соловьи на закате, первые маринованные огурчики на закуску...

А тут еще первая любовь, знаете ли...

— Ты меня любишь? — спрашивают меня, бывало.

— Да,— говорю я, конечно.— Замаринуй огурчиков.

А в ответ слышу:

— Нет.

Нет бы сказать: да! Я, конечно, учитывал силу своего пола и скандалов не давал себе устраивать. Я просто сам тогда спрашивал:

— Ты меня любишь?

В ответ, конечно:

— Да.

— Замаринуй,— говорю тогда,— огурчиков.

А в ответ:

— Нет.

Конечно, при этом и дружба юношеская бывала. Не имей, дескать, сто рублей, а имей сто друзей — вот тебе и вся арифметика!

А потом — дальнейшая жизнь, которая и сейчас продолжается. Вот я вчера сажу возле дома на скамеечке и в шутку думаю: а не передумать ли мне старую поговорку на новый лад? Например, так: не имей двух рублей, а имей двух друзей, и чтобы каждый из них имел бы при себе рубль. Тогда и твой рубль не пропадет внапрасную, если еще шестьдесят две копейки раздобыть.

И тут как раз — Сыромятников из подъезда. Он хоть немножко и бестопочь, но я все-таки сделал снисхождение. Я ему сказал:

— А у меня рубль.

А он дурак дураком...

— А у меня нету, — говорит.

— Это почему же, — говорю я ему, — нету? Вернись домой и возьми два рубля шестьдесят две копейки.

А он:

— Не могу, — говорит. — На меня жена и так уж сегодня замахивалась.

— Чем, — спрашиваю, — замахивалась-то? Веником? Половником? Банкой с огурчиками?

А он грубый такой, плохо воспитанный такой человек...

— Бюстгальтером, — говорит.

Он такой недотепа, этот Сыромятников, что мне и думать о нем не хочется. У него даже сны глупые. Ему однажды приснилось, будто он шашлык.

— Хорошо, — говорю ему. — Ну, а дальше что?

— А дальше я проснулся, — отвечает.

— И все? — спрашиваю.

— Все, — говорит. — Но только из-за этого чертова шашлыка пища ужасно захотелось.

— Ну, и выпил бы.

— А где? На пивзаводе аппарат какой-то не то сломался, не то есвсе украден, мать его за ногу! А я, как назло, еще и огурцов маринованных наелся!

Ну, что вы скажете! Невозможный же человек! Однако огурчики у него замечательные. Жена у него сама их делает. Когда огурчики-то летом поспевают, она берет и идет на базар и выбирает там самые маленькие, молоденькие такие, с пупырышками. Чесночку, конечно, укропчику, листочки, конечно, от черной смородины. Лучше даже не листочки, а прямо почечки, которые только еще наклюнулись..

Вот я сажу и думаю: а не пойти ли мне к Сыромятниковым?

РЫБА, НО—С ДУШКОМ

— Значит, так,— сказал я продавщице.— Мне, это самое, рыбки мне бы, но только, это самое, не свежей, а, наоборот, с душком как бы... Есть такая?

— Шутить дома надо! — сказала мне продавщица.— Говорите побыстрее, что вам нужно!

— Тухлую рыбу.

— Так-так,— посмотрела мне в глаза продавщица.— Ага.

— Еще быстрее я не могу,— добавил я тогда.

— Ага,— еще раз сказала продавщица и, обернувшись, покликнула: — Кузьма Эдуардович!

Ей-богу, так и покликнула: «Кузьма Эдуардович!» Видимо, заведующего.

«При таком-то имени-отчестве — с усами, небось!» — подумал я про него, но, однако, ошибочно. Без усов пришел покликанный Кузьма Эдуардович, а продавщица сказала про меня так:

— Вот, Кузьма Эдуардович, к вам пришли.

— Ничуть,— возразил я.— Не к нему я пришел, а, наоборот, к вам и прошу у вас несвежую рыбу.

— Так-так,— сказал на это и Кузьма Эдуардович.— А вы, товарищ, откуда?

— В Балаклаве я родился,— сказал я ему.

— Так. Так-так.

— Говорит, будто мы подпорченную рыбу подсовываем покупателям,— возвела на меня напраслину продавщица.

На это мы с Кузьмой Эдуардовичем прямо-таки воединоотреагировали.

— Ну что вы! — сказал я продавщице. — И вовсе вы не подсовываете!

— Ну что вы! — сказал Кузьма Эдуардович мне. — И вовсе мы не подсовываем!

— Вот я и говорю: не подсовываете, — сказал я им обоим.

— Довольно препираться! — сказала нам троим женщина, стоявшая позади меня в очереди. Крупная такая и несколько пожилая дама.

— Действительно! — поддержали в очереди. — Не мешайте стоять в очереди!

— Да я ничего, — сказал я. — Берите пока что...

И пока крупная дама выбирала себе крупную селедку, Кузьма Эдуардович признался мне:

— Тогда я не понимаю, зачем вам несвежая рыба.

— Да так, — объяснил я. — У меня дома медвежонок, а ихнему брату возьми да подай полупротухшую рыбу. С душком, в общем.

— А зачем вам медведь? — спросил Кузьма Эдуардович.

— Не медведь, а, наоборот, медвежонок, — взял и поправил я.

— А если вырастет?

— Тогда будет есть совсем много совсем протухшей рыбы, — пошутил я для Кузьмы Эдуардовича.

— И зачем людям медведи? — не дошла до него шутка.

Но теперь я не успел его поправить в том смысле, что это не медведь, а медвежонок, потому что дама с селедкой сказала мне:

— Вы, что же, думаете, без вашего медведя...

— Медвежонка, — успел я поправить даму.

— ...что без вашего медведя, — стояла на своем дама, — магазин не знал бы, кому сплавить тухлятину?!

— Без намеков, пожалуйста! — сказал ей Кузьма Эдуардович. — Оснований не имеете!

Мне бы наплевать на их дальнейший разговор, а я, дурак, не наплевав, прислушался. А в это время продавщица следующим покупателем занялась, железнодорожником каким-то... А ко мне еще плюс ко всему привязался некто приземистый и неудачно одетый.

— Почем за медведя платил? — спросил он, назвав меня другом.

Мне бы тут и на него наплевать, да я опять не наплевал.

— Сам, — сказал я ему, — поймал. Еще медвежонком.

— А пополам не желаешь? — сказал он тогда.

— Как? — не сразу понял я. — Кого пополам?

— Бутылку же!

Хотел я ему было соврать, что, мол, непьющий я, но тут отоварившийся, в свою очередь, железнодорожник в свою же очередь и о медведях забеседовал.

Он, видите ли, при себе ружье возит, и однажды, видите ли, их поезд остановился на разъезде. А тут тебе тайга. Медведи тут. Ну, один возьми да и выйди зачем-то к поезду. Ну, а железнодорожник этот возьми да и бац медведя напавал. Шкуру с него долой, тушу — в вагон-ресторан, а там не берут. Как оформлять, не знают. Медвежья, говорят, эта ваша услуга. Боятся потому что, как бы не заподозрили их потом в каких-нибудь махинациях-спекуляциях.

— Долговато вы что-то на разъезде застряли, — усомнился я на это.

— Да семафор! — махнул рукой железнодорожник. — Ну его!.. Совсем красный горел... А вообще-то вы своего медведя в зоопарк сдайте...

— Рублей тридцать дадут, — поддержал его приземистый друг, желавший пополам. — А может, и не дадут.

— Рыбу они действительно едят, — сказал железнодорожник, — а потом сами рыбой воняют.

— Ну, так как насчет этого? — напомнил друг, указав в сторону штучного отдела.

— Отойдите от прилавка! — прикрикнула тогда продавщица. — На троих соображать дома надо!

— Значит, ты с нами? — спросил друг у железнодорожника.

— Полтинник только остался, — пожалел себя железнодорожник.

— А я непьющий, — наконец-то соврал я.

— А вот как раз старшина идет! — злорадно сказала продавщица.

— В чем дело? — неохотно подошел милиционер с авоськой. Я объяснил, а друг с железнодорожником удалились.

— На вашем месте я бы завел собаку, — посоветовал милиционер.

— Овчарку, что ли?

— На вашем месте я бы завел боксера. Исключительно умное животное. Только вот соседи могут проявить недовольство. Зачем, могут спросить, вам собака?

— Действительно, — сказал я. — Зачем мне собака?

— А медведь зачем?

— Не медведь, а, наоборот, медвежонок. Ну, он у меня для красоты в случае чего...

— Вот в случае чего мы вас и оштрафуем, — поспешил милиционер. Хорошо — адрес не спросил.

А с рыбой теперь так получилось. Народ в очереди уж сменился, и очередь сразу же запротестовала: «Куда без очереди!»

— Да я уже стоял, — пояснил я этим людям. — Спросите продавщицу!

Но меня не она выручила, а Кузьма Эдуардович, снова появившийся у прилавка.

— Вы еще здесь? — удивился он. — Я вам вот что посоветую. Раз вам нужна рыба несвежая, вы возьмите свежей и испортите ее. Я вам подскажу, как это делается...

— Дело нехитрое, — сказал я. — Но мне бы прямо сегодня хотелось...

— Очень нехитрое, — поддержал Кузьма Эдуардович. — Полежит в тепле денька три-четыре... Людочка, завесьте товарищу тресочки!.. И Людочка завесила мне тресочки.

Я домой пошел.

У выхода тот самый друг остановил меня и спросил:

— Друг, а тебе шиферу не надо?

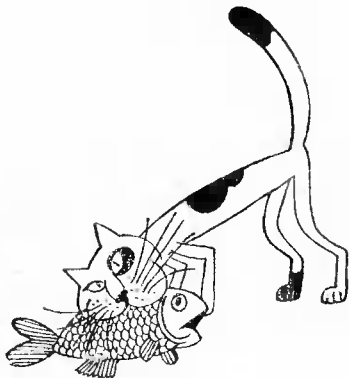
После чего я уж совсем домой пошел.

Ладно, думаю. Бог с ним, думаю. Подожду, думаю, денька три-четыре. Не я то есть подожду, а медведь мой, медвежонок мой то есть. Пусть пока сгущенку лопают.

А придя домой, я заперся в ванной и написал письмо приятелям, которые мне его ко дню рождения подсунули. Просил увезти его обратно в Якутию, а то из-за него столько разговоров, что даже вон и в магазин как следует не сходишь. И даже письмо не напишешь, не упрятавшись от его заитриваний.

Написал, вылез из ванной, сходил на улицу и в ящик письмо опустил.

Да, а тресочка та как раз несвежей и оказалась...

ИСТИНА

«Истина дороже денег».

(Факт.)

Однажды Василий Круглов нашел в степи два рубля восемьдесят семь копеек. И он принес их в редакцию газеты, которая регулярно информировала читателей о всяких находках.

— Два восемьдесят семь? — переспросил сотрудник газеты. — Это как так?

— А вот так, — объяснил Василий Круглов, — двушка, на ней — пятак, потом — гривенник, на гривеннике — двугривенный, дальше — полтинник, рубль металлический и поверх всего — рубль бумажкой.

— Два восемьдесят семь так лежать не могут, — сказал сотрудник. — Это не характерно для нашей действительности.

Тогда Василий Круглов наглядно доказал, что могут.

— Это потому, что в городе, — сказал сотрудник. — А в степи не могут.

Тогда Василий Круглов пригласил его в степь и уложил деньги в степи.

— Это потому, что на дороге,— сказал сотрудник.— А в траве не могут.

Тогда Василий Круглов уложил и в траве.

— Все равно такая находка нехарактерна для нашей действительности! — сказал сотрудник.

Тогда Василий Круглов предложил оставить два восемьдесят семь в траве, отправиться в город, потом вернуться обратно и убедиться в невыдуманности его рассказа.

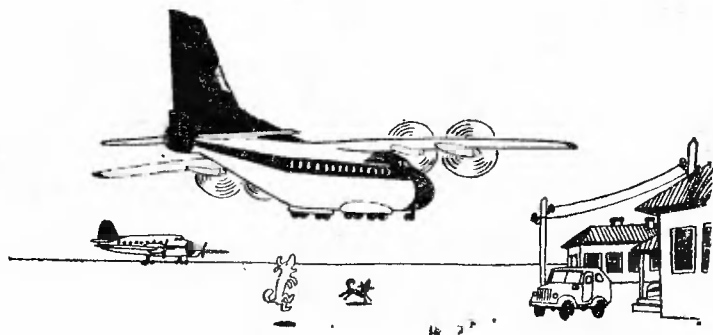
Так и сделали. Съездили в город, вернулись обратно... а денег нет.

И тогда в газете появилось сообщение:

«Однажды житель нашего города Василий Круглов не нашел в степи двух рублей восьмидесяти семи копеек».

Вот так и должны относиться к фактическому материалу истинные журналисты.

КОАЭПУГА

Расшифровывать заголовок я не буду. Художник просил меня сэкономить место для лишнего рисунка, вот за счет «КОАЭПУГА» я его и экономлю. Просто это сильно сокращенное название эскадрильи полярных самолетов и вертолетов, которые находятся на Каменном мысе, который находится на полуострове Ямал, — вот и все.

Здесь как бы воздушный таксомоторный парк. Никакого расписания рейсов, все полеты — по указке заказчика. Заказчик в тундре разный: геологи, нефтяники, медики, милиция, почта, районный отдел народного образования, геодезисты, метеорологи... Есть кому экономить время. А время, оно и в тундре — деньги.

«Небесные пахари» здесь базируются: легкие самолеты «АН-2» и вертолеты «МИ-4», а высоко над Каменным проходит северная трасса, и когда на трассе непогода, то садятся переждать ее на Каменный мыс тяжелые, пузатые «фантомасы» — «АН-12» с овощами, фруктами, сметаной, яйцами для Таймыра, Чукотки, Колымы, Якутии...

* * *

Мы летали с художником по разным маршрутам, с разными экипажами, с разным грузом, в разное время. И в то же время — врозь, чтобы меньше влиять на грузоподъемность машины.

Вот рассказ об одном, самом обыкновенном рейсе на «АН-2» с командиром Виктором Мищенко и вторым пилотом Валерием Лазаренко.

Рейс был заказан Ямальской нефтеразведочной экспедицией. Нужно было слетать в Салехард отвезти людей в отпуска и отгулы, сдать на базу кое-какие приборы для ремонта и привезти гвозди, цемент и опять же людей — из отпусков и отгулов.

Утром Мищенко с Лазаренко уже летали с метеорологами, и вот теперь в Салехард на другой машине, потому что на прежней за-
барахлил гидрокомпас.

...Летим. На лобовых стеклах — темные щитки, затеняющие солнце. Но не само солнце слепит. Вечереет, и солнце размазано в дымке. Блеск от воды, растекшейся по всему Ямалу, пропитавшей его.

Под нами озеро. Огромное озеро. Ярото называется. Справа, неподалеку, еще озеро. Тоже огромное и тоже Ярото называется. На карте числится: «Ярото 1-е» и «Ярото 2-е». Но этот кусок карты теперь подвернут внутрь на коленях у Лазаренко, и какое «1-е», какое «2-е», — неизвестно теперь ни мне, ни тем более экипажу. А экипаж и слова-то этого не знает.

— Ярото? — показываю вниз.

— Бог его знает, — отвечают. Потом Лазаренко разворачивает карту и подтверждает: «Ярото».

Названия пилотам ни к чему. Названий сотни, а ориентироваться все равно по конфигурации приходится. Вот и сейчас Лазаренко подсчитал путевую скорость, порадовал ее величиною Мищенко, ведущего сейчас самолет, и быстренько прибрал к ногтю разлапистое озеро — следующий контрольный ориентир.

Пролетели Худиеваяху. Это река.

— Эта? — осведомляется Мищенко.

— Эта.

Потом — разлапистое контрольное озеро.

— Это?

— Это.

Рис. 1

На Каменном мысу — как бы оперативный штаб Ямала по сбору школьников. Во главе — директор Ярсалинской средней школы-интерната Почекуев и инструктор райкома Вануйто.

Летчики после обычных рейсов говорят нарообразовцам: там-то и там-то видели группу чумов. Те расстилают гигантскую карту полуострова и делают пометки. Кроме этого, у них сведения и от самих оленеводов, где кто ночует в тундре.

Потом в тундру летит вертолет (чаще всего экипаж Хасапшина) и привозит школьников с каникул обычно на Каменный мыс, а уж отсюда самолетами и вертолетами развозят их потом по школам-интернатам.

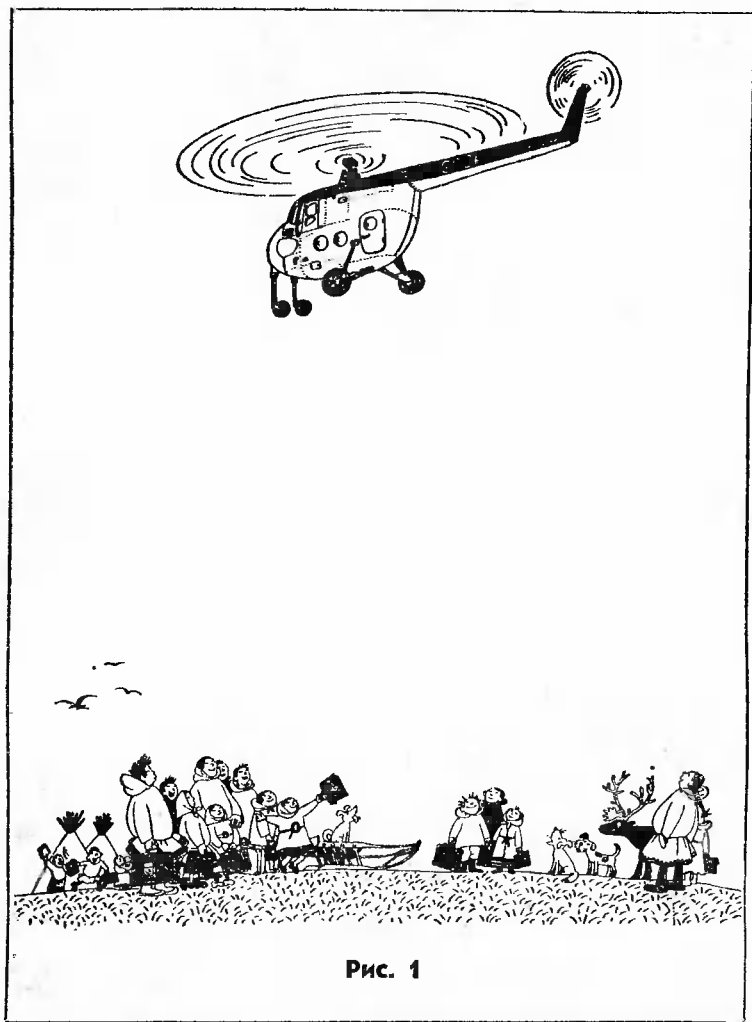

Рис. 1

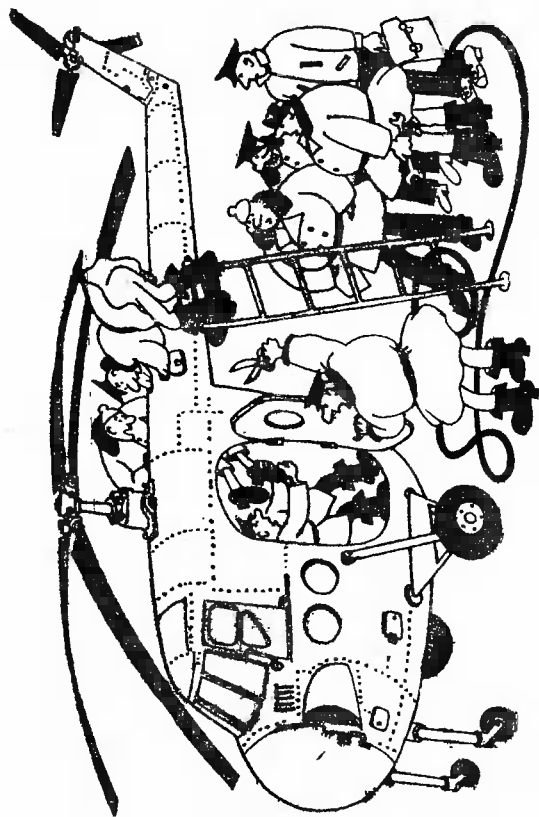

Рис. 2

Вокруг сплошные «эти», да и те лежат или ползут в болоте. Линия горизонта вся изъедена озерами — там и сям они сливаются с небом.

В Салехарде — теплынь и мясистые комары. Здесь уже лесотундра.

А еще в Салехарде — воскресенье. Это в тундре за днями недели не следят, а здесь, в городе, воскресенье соблюдают свято. Пассажиры сошли, а приборы встречать некому. И цемента не видно. И никаких гвоздей.

Пока оформляли на обратный рейс обычных пассажиров (не порожняком же лететь), Каменный «закрылся»: туман. Туман там часенекко наволакивает с Обской губы, но ненадолго. А тут диспетчер объявил нам, что и туман не рассосется до завтра и наземной связи с Каменным мысом не будет до завтра же.

— Отдыхайте, — сказал диспетчер. — За грибами можете сходить в лесок... Глядите, сколько я тут за пятнадцать минут насобирал. — И показал нам авоську с грибами.

Тогда я показал ему свои грибы, найденные возле аэродрома и нанизанные на прутик.

— За две минуты с четвертью, — соврал и я.

— Так не бывает, — сказал Мищенко. — Там так: ветер — фу! и никакого тумана.

— Давай на Яр-Сале, — предложил Лазаренко (Яр-Сале — поселок на полпути к Каменному).

— И Яр-Сале закрыт.

— Ну, на Воркуту.

— А на кой вам Воркута? Она ж не в той стороне!

— Да выступи ты нас! — взмолился Мищенко. — Все равно куда оформи, лишь бы в воздух подняться!

— Грибки вам оставим, — поддержал я, снова показывая прутик.

Не просто так рвался в воздух Мищенко. Шарообразность Земли толкала на это. Только взлетев, могли мы связаться сейчас

Рис. 2

«Вертолет прилетел на форму». В переводе с технического это означает, что вертолет прилетел на профилактический ремонт.

Но у этого рисунка — другое содержание. Тут в другой форме дело. Разгильдяйски одетые люди, облепившие вертолет, — это наземные техники и механики, одетые строго по форме. Летный состав — это стройные, утепленные красавцы, наземники — это вот такие вот безобразники по форме. Такая им спецодежда выдается.

И они вовсе не ремонтом заняты. Один из них полез в хвост взглянуть на хвостовую балку да и застрял там в своем размахе. Пришлось резать форму через лючки и тащить из нее «формалиста» за ноги.

бóртовой рацией напрямую с Каменным мысом, который был за линией горизонта. Не верилось, что он «закрылся» до завтра.

Диспетчер грибки взял, положил в авоську, повесил авоську на вешалку и подумал.

— А мне-то каково? — спросил он, подумав. — Ну, взлетите вы, а я тут сиди и держи вас на связи в воскресенье! А у нас как-никак через пятнадцать минут смена кончается. Не выпущу. Нет. Не выпустил. Нет.

С досады Мищенко даже ужинать не захотел. Он настолько вслух раздосадовался, что Лазаренко сказал о его голосе:

— Тебя сейчас на Каменном, пожалуй, и без рации слышно!

Вылетать решили в пять часов утра. Это уже был понедельник — весьма рабочий день. И появились на аэродроме искомые буровики, привезли искомые гвозди цемент, консервы, гитару и затеяли свару с пассажирами, которых вчера вместо них оформили было на наш рейс. Пока утрясали конфликт, Каменный опять объявили «закрытым», и нас выпустили только до Яр-Сале.

Курс простой: все над Обью да над Обью, только она тут так расплылась-разъехалась по тундре, разошлась по протокам, что можно заблудиться и над ней.

Тепло и в Яр-Сале. На окраине — шеренга чумов. Это «очередники» на получение жилплощади. Первый чум — это первый в очереди, второй — второй...

Так тепло в поселке, что на одной из крыш сидит пацан в трусиках и отмахивается от комаров и от Сережи Неркагы, зовущего мастерить бумажного змея.

— Здравсьте! — приветствует меня Сережа. — А я уже тут.

Он тут из тундры. Из Тобантойской тундры, где мы с ним и познакомились. Я летал там по стойбищам на «детском» вертолете Хасаншина, и пятиклассник Сережа Неркагы верховодил в полете малышами и сверстниками. Не давал вставать, когда не надо, давал гигиенические пакеты, когда надо.

— Я сюда с дядей Герой прилетел, — сообщил он. — Дядя Гера рисовал меня и песцов, а я — его и песцов.

Дядя Гера — это художник Огородников. Он четыре дня просидел в Яр-Сале. Прилетел вместе со школьниками, собирался вернуться на Каменный следующим рейсом, а следующего рейса как раз четыре дня и не случилось.

В поселке заподозрили неладное: слоняется по поселку художник «Крокодила» и чего-то высматривает. И как будто даже намеревается очернить белых и голубых песцов, которые здесь водятся, и браконьеров, которые здесь не водятся.

Просили не делать этого. Поэтому песцы на рисунке есть, а браконьеров нету.

На Земле Франца-Иосифа обнаружен живой мамонт. Перед наукой во весь рост встала проблема доставки его на Большую Землю. Группа ученых предложила для этого пешеходный вариант с использованием сена в качестве приманки. Самолеты будут сбрасывать тюки сена на всем пути следования, и так, от тюка к тюку, мамонт выйдет на материк.

Такую телеграмму в свою редакцию прислал из Заполярья один московский корреспондент. Его разыграли, когда он заинтересовался, зачем на самолет грузят сено.

— Вашему брату только скажи,— сказали нам,— а вы уж и уши развесите. Не так, что ли?

— Так,— не заотпирались мы.— Что было, то было, но только вы еще главного не знаете. Самое смешное, что две недели назад все так и случилось, как выдумали для корреспондента. Действительно, поймали живого мамонта, но только не на ЗФИ, а в Антарктиде, и везти его решили на «АН-12» через Австралию. Так что кто-то из вашего Полярного управления за ним полетит.

— Что-то сомнительно,— сказали нам.— Вряд ли мамонт войдет по своим габаритам в «АН-12».

Только мы успели позавтракать, как «открылся» Каменный.

Взлетали с хитростями. Площадка здесь еще не готова для обычных рейсов: коротковата и не размечена. Только экипажи полярной авиации имеют право пользоваться ею по своему усмотрению.

Усмотрение было такое: чтобы сократить разбег, сместить центр тяжести как можно больше наперед и в нужный момент максимально довыпустить закрылки.

Подтащили ближе к кабине груз, на грузе сгрудились пассажиры, и только гитара болталась в хвосте. Самолет с выпущенными наполовину закрылками побежал по суглинку, Мищенко крикнул: «Хоп!». Лазаренко дождал закрылки, машина подпрыгнула, выровнялась над землей и пошла вверх. А пассажиры принялись рассредотачиваться.

В Яр-Сале мы, однако, успели не только позавтракать, но и пообещать посанитарнопросветительствовать над поселком.

Сделали над зверофермой круг, выпихнули в форточку пачку санитарных листовок, и ветер понес их в самый центр поселка.

Неудобный был ветер. Встречно-боковой и какой-то несформированный. Толкал машину и так и сяк, и ее никак не удавалось сбалансировать триммерами по курсу. Как норовистого коня, приходилось крепко «обуздывать» руками и ногами.

Потянулись облачка. Сначала — белые, потом — серые, с водичкой. Просквозили тучку, и ветер расчесал на лобовых стеклах тонкие струйки.

— А, едят тебя мухи! — сказал Мищенко, передавая управление Лазаренко, и принялся гневно хватать рукой воздух в кабине. Но сразу и догадались, что это он ярсалинского комара решил «унасекомить».

Пока он лютовал, земля пропала. Под нами мчалось плотное ватное одеяло, а по нему в двойном радужном кольце мчалась четкая тень нашего самолета. Потом самолет вообще «побежал» по облакам колесами и скоро провалился внутрь, в жидкую белесую неподвижность.

Из облака выпали уже над самой губой. Аэродром был пуст — все разлетелись кто куда.

Сели. Сходили в столовую.

— Готовы? — спросил диспетчер Саша Торлов. — Оформляйтесь в устье Тадибеахи.

И через час мы снова были в воздухе с четырьмя бочками «горючки» для геодезистов, работающих на Гыданском полуострове.

СОДЕРЖАНИЕ

Деликатно из ружья	3
Зуб мудрости	6
Во поле — ночь	10
Была весна	14
Вот в Москве воблы нет	17
Деньги за бочку	19
Подежурить попросили семерых	22
Такие нотки	25
Федя со своим утюгом	28
Вот я сижу и думаю	31
Рыба, но — с душком	33
Истина	37
КОАЭПУГА	39

ЕВГЕНИИ АЛЕКСАНДРОВИЧ МАТВЕЕВ

ФЕДЯ СО СВОИМ УТЮГОМ

Редактор А. И. Ходанов

Техн. редактор Г. И. Огородников

Сдано в набор 27/XI 1970 г. А 00874. Подписано к печати 8/IV 1971 г. Формат бумаги 70 × 108¹/₃₂.

Объем 2,10 усл. печ. л. 2,60 учетно-изд. л.

Тираж 75 000. Цена 8 коп. Изд. № 879. Заказ № 3399.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции
типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина,
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

«ВСЕ НАОБОРОТ» обещает показать в своей книжке юмористических рассказов болгарский писатель **ЧЕЛКАШ**. Но это не больше чем шутка. На самом деле он рисует людей и события такими, как они есть. И если они порой смешны — это не вина автора.

Книжка **«КТО ВЫ, ТОВАРИЩ ИКС!»** познакомит читателей с лучшими конкурсными рассказами, опубликованными на страницах журнала в прошлом году.

Ходжи САДЫК недаром озаглавил свою новую книжку рассказов **«СУТЬ ДЕЛА»**. Только прочитав ее, можно отчетливо понять, в чем состоит суть дела, которым занимаются герои произведений старейшего сатирика Таджикистана.

Цена 8 коп.

БИБЛИОТЕКА КРОКОДИЛА
1971